

Я люблю тебя

Автор:

[Ирэне Као](#)

Я люблю тебя

Ирэне Као

Итальянская трилогия #3

Финальная часть итальянской трилогии, покорившей романтиков во всем мире!

Жизнь без любви, жизнь, полная свободных отношений, – вот новая мантра Элены, которая стала совсем другим человеком с тех пор, как отказалась от надежной любви Филиппо и всепоглощающей страсти Леонардо. У нее было все, теперь нет ничего. Каждую ночь Елена готова проводить с новым мужчиной, только чтобы заполнить пустоту и заглушить боль в груди.

В самый тяжелый момент, когда все отвернутся от Элены, Леонардо вновь окажется рядом и увезет девушку на свою родину – остров Стромболи. Сицилия, вулкан, море, глаза любимого мужчины способны исцелить ее, вернуть вкус к жизни, любви, искусству. Но впереди еще много препятствий: прошлая жизнь Леонардо встает на их пути, и кажется, что ничего уже нельзя изменить...

Ирэне Као

Я люблю тебя

Irene Cao

IO TI VOGLIO

Copyright © 2013 RCS Libri S.p.A., Milano

© Гоманенко С.В., перевод на русский язык, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Итальянская трилогия

«Я смотрю на тебя»

Бестселлер №1 в Италии! Первая книга восхитительной трилогии, которая отправит вас в путешествие, в мир чувственных удовольствий, любви, искусства и итальянской кухни.

Элена никогда не любила по-настоящему, мир для нее – это искусство, фрески, которые она реставрирует в старинных замках Венеции. Все меняется, когда в ее жизни появляется Леонардо, знаменитый шеф-повар, в чьих руках даже наслаждение приобретает форму, цвет, запах, вкус. Элена позволяет богатому красавцу с темным прошлым соблазнить себя и принимает его условие: «Не влюбляться». Теперь никто из них не должен нарушить это правило, что бы ни случилось...

«Я чувствую тебя»

Путешествие в поисках удовольствия продолжается! Итальянский темперамент, прекрасный Рим, вдохновляющее искусство, любовь, страсть – вот главные ингредиенты книги.

Элена начала жизнь с новой страницы. Дни страсти и безумства, проведенные с Леонардо, превратили ее в сильную женщину, позволили раскрыться и познать все стороны любви. Теперь она знает, чего хочет: ради Филиппо оставила Венецию и переехала в Рим. Кажется, что Элена счастлива в своей новой жизни, но достаточно случайной встречи, чтобы все разрушить. Леонардо вновь встает на ее пути, и она должна решить, какую цену готова заплатить за эту страсть...

Элена не знает, правильно ли поступает, она лишь следует за своими чувствами, слушает сердце и город, который говорит с ней. Эта девушка изменилась, она не боится жить, не боится любить и готова сделать свой выбор.

«Я люблю тебя»

Финальная часть итальянской трилогии, покорившей романтиков во всем мире!

Жизнь без любви, жизнь, полная свободных отношений, – вот новая мантра Элены, которая стала совсем другим человеком с тех пор, как отказалась от надежной любви Филиппо и всепоглощающей страсти Леонардо. У нее было все, теперь нет ничего. Каждую ночь Элена готова проводить с новым мужчиной, только чтобы заполнить пустоту и заглушить боль в груди.

В самый тяжелый момент, когда все отвернутся от Элены, Леонардо вновь окажется рядом и увезет девушку на свою родину – остров Стромболи. Сицилия, вулкан, море, глаза любимого мужчины способны исцелить ее, вернуть вкус к жизни, любви, искусству. Но впереди еще много препятствий: прошлая жизнь Леонардо встает на их пути, и кажется, что ничего уже нельзя изменить...

* * *

Посвящается тому самому мужчине

Глава 1

С сухим щелчком он захлопывает дверь комнаты 405. Войдя внутрь, вставляет магнитную карточку в прорезь на стене. Свет озаряет комнату – свет неприятного белого оттенка слепит глаза.

Торопливым жестом он нажимает на выключатель и убирает все освещение, кроме настольной лампы на комодике справа. Пятно света в полной темноте комнаты создает интимную и теплую атмосферу. Он присаживается на край постели и протягивает руку, чтобы отрегулировать яркость лампы.

– Вот так лучше.

Он старается выглядеть невозмутимым, когда произносит это, но я знаю, что его поглощает жгучее желание. И я чувствую то же. Киваю. Я стою, едва переступив порог.

Затем он смотрит на меня. Его глаза светятся мягким светом, настолько текучим, что кажется, будто я могу плыть внутри. Он поднимается с кровати и приближается. Хватает за волосы, заставляя меня запрокинуть голову назад, и со страстью начинает целовать в губы.

Я подчиняюсь, сумка падает на паркетный пол. Чувствую свою жадность, желание, свое волнение, его тепло, его слюну и щедрость, с которой он предлагает мне свое тело. Наконец-то! Начинается еще одна галлюциногенная ночь, ночь, наполненная сексом и безумством, очередная в списке настолько длинном, что я потеряла счет: множество встреч, таких разнообразных и при этом столь бесполезно одинаковых.

Он – мой новый любовник, и мы знакомы всего несколько часов. Я знаю только, что его зовут Джулио, что он из Милана и он актер. Или, скорее, хотел бы им стать. Мы познакомились (если это можно так назвать) сегодня вечером в «Гоа», – на дискотеке, где я бываю каждую пятницу и уже чувствую себя там как дома. Он нацелился на меня, как только я спустилась на танцпол и не оставлял ни на минуту. Мы натащивались до изнеможения, я развлекалась тем, что провоцировала его, а он обтирался об меня в недвусмысленной игре высокого эротического напряжения. На лицах его подружек сменялись выражения

зависти и отвращения, и все это невольно дарило мне ощущение своеобразного возбуждения.

– Может, пойдём из этого бардака? – спросил меня Джулио в один прекрасный момент этого вечера. И вот я здесь, в комнате 405 отеля «Дука Д’Альба»[1 - Дука Д’Альба (итал. Duca D’Alba) – «Граф Восхода»]. Всё это за счёт компании – спонсора того полицейского детектива, в котором он играет небольшую роль.

Мои руки сейчас отчаянно теряются в гуще его блондинистых волос. Джулио прижимает меня к шкафу у стены и приподнимает мою ногу, сгибая ее: мое колено упирается ему в бок. Наши языки пожирают друг друга, горят страстью, борются с нарастающим ритмом. Потом он спускается вниз, прислоняясь головой мне между ног под мини-юбкой, и прижимает мои бедра к своим шершавым щекам. Влажность проникает под мои трусики, я вся мокрая, а его язык чертовски нетерпелив. Даже слишком.

С силой отодвигаю его голову, заставляю его подняться. Он не теряет и решительным жестом срывает с меня юбку, оставляя меня в трусиках, подвязках и сапогах на двенадцатисантиметровой шпильке. Затем начинает расстегивать мне рубашку, проникает под лифчик и ищет соски нетерпеливыми пальцами. Тогда я кладу руку на его ширинку и сжимаю, чувствуя, как ее объем еще больше увеличивается в размерах. Смотрю ему в лицо, не видя – глаза опухли от алкоголя и усталости. С силой толкаю его на кровать и заставляю сесть напротив меня. Сегодня вечером команду я.

– Раздевайся! – приказываю.

– О’кей, – улыбается, спокойно расшнуровывая ботинки. – Мне нравятся властительницы.

Начинает раздеваться. Сначала ботинки и носки, затем через голову снимает рубашку, оставаясь обнаженным до пояса. Он худощавый, но торс покрыт мышцами, как броней. Смотрит на меня в упор – его глаза, кажется, вот-вот растают, и медленно расстегивает и вынимает ремень, опуская его на кровать.

Я снимаю с него брюки, потянув вниз по ногам, и оставляю их на ковре, рядом с моей юбкой. Затем беру ремень в кулак и щелкаю им в воздухе, как плеткой. Пряжка, ударяясь о пол в пятне размытого света, искрит и разрывает тишину с

металлическим звуком. На губах Джулио довольная улыбка, похоже, он действительно в своей тарелке, я тоже. Он готов вступить в игру.

Я сажусь у него между ног, позволяя сжать себя коленями, и медленно начинаю водить краем ремня по обнаженной коже. С шеи опускаюсь на линию торса, рисуя круги вокруг сосков, потом добираюсь до пупка. Потом поднимаюсь, опять же медленно. Я щекочу его кожу, и по ней бегут мурашки, грубость ремня изводит его. В его глазах читается трепет. Провожу ремнем у него за головой и застегиваю как ошейник. Это создает определенный эффект на его светлой коже: ремень выглядит черной змеей с блестящей головкой. Такой вид смертельно возбуждает меня.

– Что ты собираешься со мною сделать? – шепчет он, в то время как я поднимаюсь. Теперь в его глазах аквамаринного цвета горит обжигающий огонь. Он расстегивает мне лифчик, приближаясь к одному соску, который находится на уровне его губ и проводит языком вокруг.

– Т-с-с-с, сейчас поймешь, – шепчу и подталкиваю его к изголовью кровати.

Оставаясь на ногах и не переставая смотреть на него, я снимаю одну подвязку. Приподнимаю его левое запястье, обвязываю вокруг чулком и стягиваю в скользящий узел. Потом делаю то же самое на правом запястье и привязываю края к железному изголовью кровати. Тяну сильнее, причиняя ему боль, но нейлон в 60 ден тянется и не рвется. Резким жестом срываю с него трусы, с такой же силой, как это мог бы сделать мужчина.

Так и оставляю его, обнаженным и обездвиженным, и приближаюсь к столику в углу. Спокойно наливаю себе полстакана скотча, как будто Джулио не существует. Чувствую, как нарастает возбуждение – учащается сердцебиение и пульсирует в висках. Грудь кажется распухшей, она горит. Возможно, я чересчур далеко зашла, но меня это не волнует: сегодня ночью не хочу ничего обдумывать. Целиком отдаюсь удовольствию.

– А я? – Джулио смотрит на меня, как зверь в клетке. – Мне ты не предложишь? – спрашивает умоляющим тоном.

– Сначала посмотрим, будешь ли ты себя хорошо вести, – отвечаю.

Он грустно покачивает головой, но я знаю, что ему нравится эта игра.

Беру стул у письменного стола и поддвигаю его сбоку к кровати. Ставлю стакан на пол, потом сажусь и смотрю на него, касаясь одной ногой его груди. Моя ступня движется поверх его кожи, массирует его твердый член, пальцами зарывается в волоски на груди и поднимается вверх, касаясь шеи и лаская его рот.

Джулио нагибает голову и языком следует изгибу моей ноги – там, где кожа тоньше всего. Моя ступня изгибается в поисках его поцелуев, желая их, забираясь меж его губ и позволяя посасывать себя... внутрь и наружу бесконечное количество раз. Мелкие электрические разряды начинают подниматься вверх по моей ноге, добираются до моего укромного местечка и замирают там, на поверхности... Не двигаясь дальше. В глубине я ничего не чувствую.

– Молодец, – шепчу с убеждением. Я ничего не чувствую, но он действительно отлично все проделывает, надо признать.

Беру стакан с пола и даю ему отпить.

– Спасибо, – говорит, облизывая языком губы.

– Заслужил, – произношу бархатным голосом.

Потом резко поднимаюсь, толчком отбрасываю стул, заставляя его упасть назад, и взбираюсь на кровать, поверх него. Мой язык, все еще со вкусом скотча, пробуждается и начинает скользить по его коже, от шеи к пупку, вверх-вниз. Мне нравится облизывать его. Он приятно пахнет, похоже на «Armani Code» или скорее «Gucci Guilty». Покрываю его живот поцелуями сначала нежными, потом внезапно более пылкими, в темпе тарантеллы.

Чувствую на себе его возбужденное дыхание. Ниже его талии все сжимается в комок. Беру его член и провожу по нему кружевом трусиков, сначала легко, потом все сильнее. Пытаюсь достичь удовольствия через него, снимаю нижнее белье и позволяю моей теплой плоти принять его на мгновение.

Потом увлажняю его небольшим количеством слюны, окружив губами. Джулио издает сдавленный стон. Тогда я отодвигаюсь и закрываю ему рот рукой, а другой раздвигаю края моего гнездышка и просовываю его жезл внутрь, позволяя ему упереться в эластичность стенок. Кровь пульсирует, а мое сердце молчит. Я двигаюсь вверх-вниз и ничего не чувствую. Кладу руку на ремень, который надела ему на шею и сжимаю еще сильнее, едва не придушив любовника. Отблеск удивления проскальзывает в его взгляде, на виске набухает вена, но ему нравится, я вижу, как он возбужден. Я же по-прежнему ничего не чувствую. Ничего, кроме легкой тошноты из-за обилия алкоголя, выпитого сегодня вечером.

Протягиваю руку и выключаю лампу на комод. В темноте я ощущаю себя гораздо комфортнее. Снаружи тоненький белый луч проникает сквозь ставни, рисуя линию на стене над кроватью. Смотрю на нее, чтобы зацепиться за что-нибудь взглядом. Джулио внутри меня, но я словно в одиночестве. Изображаю оргазм и не знаю, для кого я это делаю – для него или для себя.

Позволяю ему кончить внутри меня, потом отодвигаюсь и соскальзываю с кровати. В этот момент в моих запутанных мыслях материализуется одна идея: единственная для меня возможность получить удовольствие – это уйти отсюда, оставив его привязанным. Пожалуй, это будет чисто садистское удовольствие, но зато оно развлечет меня хоть немного. Наверное, я думаю вслух, потому что Джулио что-то понял.

– Елена? – зовет, пока я подбираю одежду на ковре.

Не отвечаю.

– Эй, малышка, ты что делаешь? Куда ты пропала? – в его голосе слышится легкое беспокойство.

Малышка? Мы знакомы пять часов, а он уже зовет меня так. Видимо, представляет себя на съемочной площадке. Слышу, как он пытается освободиться, но у него не получается. Нейлон меня не подвел.

– Я здесь, – шепчу, – но скоро меня уже не будет.

– Черт, Елена! – Слышу, как изголовье кровати с силой ударяется о стену. – Ты не можешь меня так оставить.

Надеваю трусы и включаю свет. Вижу, как он старается порвать чулки зубами. У меня вырывается улыбка.

– Давай, малышка. Развяжи меня, – настаивает мой герой, – это уже не смешно.

Окидывает меня свирепым взглядом. В это трудно поверить, но член у него еще стоит.

– У меня скоро съемки последней сцены. Мне надо быть на съемочной площадке в шесть. – Краем глаза смотрит на часы на тумбочке, они показывают четыре. – Черт, развяжи же меня! – Его голос повышается на десять тонов.

– Наверное, так ты кричишь в кадре, когда тебя убивают? – спрашиваю с ноткой сарказма.

Мне его немного жаль. Он стал знаменитым благодаря рекламе шоколада и теперь, когда ему удалось получить эту небольшую роль, ведет себя как кандидат на премию «Оскар». Мне всерьез хочется так его и оставить, но все же решаю снизить до помилования.

– Расслабься, – успокаиваю его. Медленно подхожу, взбираюсь поверх него, снимаю ремень с его шеи и отвязываю, расслабляя сначала один узел, затем второй. «Свободен!» – объявляю, пожав плечами и спрыгиваю с кровати.

– Ну уж нет, сучка... – его рука блокирует меня сзади, хватая за волосы. – Куда это ты собралась? Теперь ты за это заплатишь. – В его голосе злость смешивается с желанием.

Почему-то это его грубое нападение меня возбуждает, порождает во мне легкий отзвук. Сильным жестом он прижимает меня к стенке. Спускает трусики и со спины раздвигает мне ноги. Нажимая на бедра, наклоняет меня вперед и толчком вставляет в меня свой по-прежнему твердый, набухший пенис (он кажется мне еще больше, чем раньше, но, наверное, сейчас не время доверять своим ощущениям). Он наполняет меня гневной силой, и я упиваюсь его

грубостью. Руки Джулио упираются мне в грудь, а зубами он впивается в мою шею. Слышу, как он стонет от полноты удовольствия и безнадежно силюсь притвориться, что и мне это нравится, опираясь руками о стену. Тогда он силой берет меня за ягодицы, выскальзывает и затем входит внутрь с еще большей жесткостью, настолько сильно, что заставляет меня вскрикнуть. Но это не крик наслаждения. Я уже забыла, что такое удовольствие, с той последней ночи вместе с Леонардо. С тех пор, как он ушел семь месяцев назад, мое тело осталось пустым и немым, не отвечая ни на какие стимулы.

Джулио останавливается на мгновение.

- Ну что, хочешь еще? - рычит он мне в ухо.

- Да, прошу тебя, я хочу кончить, - бормочу со сбившимся дыханием. На самом деле я желаю, чтобы это мучение закончилось как можно скорее.

Он издает гортанный стон и наращивает ритм, проталкиваясь все глубже, все сильнее, все быстрее, до последнего толчка: все закончилось, я могу упасть на пол, опустошенная, с головокружением и скрученным животом.

Я так и остаюсь ненадолго, пока Джулио одевается со скоростью света, видимо уже уносясь мыслями на съемочную площадку. Его вид ребенка, полностью поглощенного собой и уже потерявшего интерес к игрушке, вызывает во мне смесь нежности и отвращения: я ничего не испытываю по отношению к нему, как и ко всем мужчинам, с которыми была после Леонардо. Никто из них не смог заставить мое тело вибрировать от оргазма, как Леонардо. Никто из них не смог вернуть трепета моему сердцу, которое продолжает работать лишь по инерции, потому что из него вырвали любовь.

Джулио притягивает меня к себе и ищет мои губы горячим ртом. Потом в последний раз поправляет волосы перед зеркалом и открывает дверь.

- Елена, этот вечер был потрясающим. Надеюсь увидеть тебя снова. Мой телефон у тебя есть. Позвони мне!

- Конечно, - отвечаю, опуская глаза. Но мы оба знаем, что я этого не сделаю: все так и закончится среди этих молчаливых стен.

Выходим вместе из отеля и прощаемся на улице. Покачиваюсь и чувствую, как голова тяжелеет, но у меня есть еще силы, чтобы вызвать такси до дома.

* * *

Выхожу на Кампо деи Фиори[2 - Кампо деи Фиори (итал. Campo de' Fiori – цветущий луг) – площадь в Риме, современный центр ночной молодежной жизни. До начала XV века на ее месте была цветочная поляна, отсюда и название.], чтобы пройтись и вдохнуть полными легкими свежий воздух римской ночи – облегчение для моей кружащей в животе тошноты. Поначалу это помогает, но мир продолжается недолго, потому что тошнота скоро возвращается, неуправляемая и раздражающая. В глазах двоится. Я пьяна до безобразия, как уже случилось во многие другие вечера в течение долгих месяцев.

Почему я дошла до такого состояния и сегодня?

Понятно почему. Проводить ночи вне дома, оглушая себя алкоголем и сексом, – это единственный для меня способ пережить чувство пустоты, оставшееся после Леонардо. Прошло всего несколько месяцев, но мне они кажутся целой жизнью: он говорит, что любит меня, я оставляю Филиппо и вскоре обнаруживаю, что у Леонардо есть жена Лукреция, которая не может без него жить. И вот мое отчаяние – я все потеряла. Мне слишком больно думать об этом снова, и я пообещала себе не думать. Единственное противоядие – это забыть все, создать новую жизнь, хаотичную, лихорадочную, бессмысленную, но новую.

Вдыхаю поглубже, надеясь, что это поможет уменьшить чувство тошноты, и, глядя вверх, направляюсь домой. На улице весенняя ночь, и диск луны теряется в небе. Пересекаю Кампо деи Фиори – волшебную, наполненную тишиной пустыню. Здесь пока только один ларек бродячего торговца, который приехал на несколько часов раньше до начала утреннего рынка.

Мне просто необходимо снять эти каблуки и упасть на кровать, потому что убистряю шаг.

* * *

Я по-прежнему живу у Паолы. Она уже не удивляется, когда видит меня возвращающейся поздно ночью, хотя в последнее время все больше беспокоится за меня, поскольку мне не удается найти облегчение даже на работе. Но опасения Паолы меня не касаются: она уже должна была понять, что, несмотря ни на что, я не делаю ничего плохого и в состоянии позаботиться о себе.

Я с трудом удерживаю равновесие, поднимаясь по лестнице, каждая ступенька мне представляется тяжелым испытанием, которое отнимает все силы. Тошнота возрастает, голова по-прежнему кружится, шаги становятся все неувереннее.

Добравшись до лестничной площадки, проверяю, действительно ли я перед нужной дверью. Рядом со звонком на табличке надпись «ЧЕККАРЕЛЛИ». Ок, я и на этот раз добралась! Ищу замочную скважину, после нескольких неудачных попыток мне удается вставить ключ и открыть дверь. Я внутри, но дверная ручка выскальзывает у меня из рук, и дверь захлопывается за моей спиной с громким стуком. Вот черт! Еще не хватало разбудить Паолу...

С трудом стягиваю сапоги, чтобы поменьше шуметь, плетусь вдоль коридора. Сдерживая рвотные позывы, иду дальше и спотыкаюсь о каменный стопор для двери в форме кошки. «Ай! Черт, как больно!» – восклицаю громким голосом, хватаясь за ноготь большого пальца ноги. Проклятые кошки! Они разбросаны повсюду, а я в этот момент ничего не вижу, уже хорошо, что держусь на ногах.

Еще шаг, и я в ванной. Наконец-то, думала, что уже не доберусь. Ищу в темноте выключатель у зеркала, задеваю и сбрасываю на пол бутылочку с «Chanel № 5» – духами Паолы. Ужасный звук стекла, разбивающегося на плитке, разлитая повсюду жидкость, одуряющий запах через нос проникает в голову, спускаясь к желудку... Какой кошмар! Я этого не выдержу, уже знаю.

– Это что за бардак? – Паола появляется на пороге ванной в халате, с опухшим от сна лицом и взлохмаченными волосами. Она трет глаза и смотрит на меня как на привидение. – Елена, с тобой все в порядке?

– Духи я тебе, конечно же, куплю, – бормочу, опираясь рукой на раковину и глубоко вдыхая.

– Ты вся зеленая, – говорит она, приближаясь, – сколько ты выпила?

– Спокойно... Все нормально. – Я держу ее на расстоянии рукой. – Я сама! –
Стараюсь отстранить Паолу, несмотря на прошибающий меня холодный пот.

В этот момент чувствую, как что-то вроде обжигающего бульона поднимается из живота вверх по горлу. Рвотный позыв сваливает меня с ног. В желудке происходит революция. Инстинктивно прикрываю рот рукой, но уже понимаю, что не удержусь, мое тело больше не в состоянии носить в себе всю ту гадость, которой я наполнила его за вечер. Наклоняюсь вперед, в мойку, и меня рвет.

– Черт бы тебя побрал! – Паола поддерживает меня и гладит по лбу, потом, когда вроде бы все закончилось, терпеливо сопровождает меня к унитазу. Пока она убирает мне волосы со лба, меня рвет снова. Сколько это еще будет продолжаться?

Мне стыдно: чувствую себя бесполезной тряпкой и ощущаю полное отвращение к самой себе. Я оседаю на пол, обращая к Паоле потерянный взгляд и смиренную улыбку. Теперь меня начинает бить дрожь. Паола прислоняет меня к краю ванны и вытирает мне рот увлажненным полотенцем. Мое бессильное тело обвисает в ее руках. Бросаю рассеянный взгляд в зеркало. Губы у меня синие, а лицо как у больной девочки с температурой. Паола начинает вытирать мне лоб. Смотрю на нее с отсутствующим, но полным признания выражением, как бездомные, которых мне случалось встречать по дороге.

– Елена... – Она качает головой. Ее голос – смесь нежности и упрека. – Какой смысл сводить все к этому?

Если честно, я и сама не знаю.

– Зато вечер удался! Я как следует повеселилась. – Говорю на одном дыхании и прислоняюсь без сил к стене ванной.

Паоле приходится поднять меня, чтобы дотащить до комнаты. Она помогает мне раздеться и забраться под одеяло. В желудке еще осталась муть, по спине бегут мурашки. Она заставляет меня съесть кусочек хлеба, чтобы успокоить желудочный сок, подтыкает одеяло и садится на край кровати, на пространстве, оставленном свободным моим бедным слабым телом. Оглядывается вокруг, покачивая головой. Моя комната и правда являет собой полный хаос, выглядит как обиталище протестующего подростка. Ковер засыпан обертками от «After

Eight», на стеллаже расположилась коллекция пустых банок из-под кока-колы и пива, а на письменном столе опрокинута открытая коробка от шоколадных «Kellogg's». Повсюду смятая одежда, трусы и лифчики... В общем, хаос царит внутри меня и снаружи.

Паола, сидящая рядом, напоминает мою маму, которая заботилась обо мне, когда я заболела и оставалась дома. Вроде бы я вижу ее глаза.

– Это уже второй раз за эту неделю. Ты говоришь, что тебе весело, но, глядя на тебя, я бы так не сказала.

Вяло киваю в знак согласия и позволяю тяжелым векам закрыться. Притворяюсь, что засыпаю. Сейчас я просто не в состоянии вынести нотации, хотя в глубине души знаю, что она права.

Паола сдвигает прядь волос с моего лба и продолжает:

– Елена, ты просто тратишь себя понапрасну. Мне бы хотелось, чтобы ты поняла это. Я знаю: ты не хочешь меня слушать, но все равно скажу это.

Я по-прежнему прячусь за закрытыми веками. Я прожигаю жизнь понапрасну. Наверное, так, но разве это имеет значение? Растрачивание себя позволяет мне освободиться от себя самой, мне становится немного легче. Я очень страдала, расставшись с Леонардо, – так сильно, что думала не смогу выдержать это. Но потом боль ушла, и тогда внутри осталась пустота, которая еще хуже. И чтобы заполнить ее, я стала злоупотреблять всем подряд: сексом, алкоголем – короче, всем тем, что могло бы дать мне жизнь (хотя прекрасно понимаю, что не получу никакого удовольствия).

– Сегодня я разговаривала с Риччарди, – говорит Паола с осторожностью. – Он на тебя не в обиде: если бы ты извинилась и вы бы объяснились, он может снова взять тебя на работу.

– Мерзавец, – бормочу, сморщившись, оживая на минуту.

Риччарди – это директор реставрационных работ «Виллы Медичи». После окончания работы в Сан-Луиджи-деи-Франчези, отец Сердж, как и обещал,

походатайствовал за меня и Паолу, и нас взяли в группу для нового проекта. Но я сразу же возненавидела Риччарди, этого педантичного коренастого мужчичку. Он постоянно делал мне выговоры только потому, что иногда я приходила с опозданием (а еще однажды, после ночи, проведенной в танцах до рассвета, я была не в себе и перепутала цвета). В конце концов я не сдержалась и уволилась, хлопнув дверью. Я уже не та Елена, что прежде: некоторое время назад было бы трудно представить нечто подобное: а теперь я поступила так – и даже с некоторым удовлетворением. И что? Можно подумать, я пойду умолять его принять меня обратно! Быть безработной – не так уж плохо: я располагаю временем и могу делать все, что хочу, никому не отдавая в этом отчета.

Однако Паола, похоже, так не думает:

– Риччарди, конечно, сволочь, но и ты виновата. Елена, следует помнить, что речь идет все же о работе.

Раздраженная, отворачиваю голову и закрываю глаза. Хватит! Я больше не выношу философию жертвенности, которую Паола старается втемашить мне, и не собираюсь выслушивать больше ни единого слова ее нотаций. Сейчас морали от тебя, дорогая Паола, я просто не могу вынести. Да, я испачкала рвотой твою ванную, я превратила эту комнату твоей квартиры в кошмар, и мне очень жаль, но почему ты мучаешь меня отношениями с Риччарди сейчас? Для тебя уход с головой в работу стал противоядием от боли – способом забыть Габриэллу, твою старинную любовницу. И, похоже, с тобой это сработало... Но что я могу поделать, если для меня это не подходит? Наверное, предаваться безумным развлечениям – это наименее элегантное из всех средств бегства от реальности... Действительно, пару раз я потеряла контроль, но зато я чувствую себя свободной, отвергая комплексы и, самое главное, – мысли. А теперь прекрати это, Паола, прошу тебя! Я имею право хотя бы заснуть спокойно?

– Да, Паола, конечно... сделаю, как скажешь, – мычу с трудом, поворачиваясь в постели. – А теперь мне надо поспать.

– Хорошо, Елена. – Я слышу, как она удаляется и закрывает дверь.

Зарываюсь лицом в подушку и снова вспоминаю все излишества последних дней, мою манию свободы, мой безудержный поиск удовольствия. Однако боль по-прежнему там, где угнездилась, когда я позволила Леонардо уйти, как бы я ни

силилась заглушить ее. Горькая слеза стекает по лицу. Я плачу по себе самой, вспоминая боль, которую хотела любой ценой причинить себе заодно с Джулио, и сегодняшнюю ночь, и всех любовников, которые были у меня в последнее время. Думала, что освобожусь от призраков прошлого, а вместо этого чувствую еще большую пустоту, неспособная наслаждаться даже сексом – тем, что с ним сводило меня с ума. Я знаю, решение проблемы не в использовании мужчин. Но так я хотя бы убеждаю себя, что ищу те крохи повседневности, которые сейчас мне кажутся недостижимыми. Рано или поздно появится «тот самый», который разблокирует замерший механизм. «И тебе повезет!» – Гайя всегда мне это повторяла. И я очень надеюсь, что она права.

Она его нашла – того самого. Через неделю Гайя выходит замуж, и я буду свидетельницей на свадьбе. Это будет свадьба года: Гайя Кинеллато – королева венецианских PR и Самуэль Беллотти – чемпион велоспорта! В начале их отношений я бы не поставила на них ни одного евро... Однако завтра в полдень сажусь в поезд до Венеции, и скоро моя Гайя, моя лучшая подруга, станет чьей-то женой.

Улыбаюсь в темноте, в одиночестве, в этот момент мое тело ощущается не таким больным. Уже рассвело, но у меня осталось немного времени собраться с силами перед великим торжеством.

Хороших снов, Елена. Завтра тебя ждет еще одна небольшая битва.

Глава 2

Я в Венеции всего два дня, но этот город уже снова завоевал меня: я принадлежу ему, ничего с этим не поделаешь. Это Венера, соблазнительно растянувшаяся в водах Лагуны, которая очаровывает тебя, если смотришь на нее слишком долго. Здесь все остается таким же, несмотря на постоянные морские приливы.

Вернуться в свою квартиру после месяцев отсутствия все равно как броситься в объятия, когда счастье и меланхолия смешиваются в воспоминаниях. Как влюбиться в того же человека во второй раз. К счастью, владельцу квартиры я плачу действительно символическую плату, поэтому мне не пришлось бросить

мое венецианское пристанище, несмотря на переезд в Рим.

Только вот эти комнаты остались пустыми, недвижимыми с того момента, как я уехала. Иногда моя мама приходила прибраться, но оставила все в строгом порядке. Книги, CD, DVD, листы с моими набросками, дневники в ящиках: каждая вещь на своем месте, хотя я уверена, что она не удержалась, чтобы не заглянуть в дневник, знаю ее любопытство.

Ничего не изменилось, даже воздух. Временами я словно бы слышу запах Леонардо, хотя прошло больше года с тех пор, как мы в последний раз занимались здесь любовью. Может быть, мне удалось подавить чувства к нему, но не воспоминания, которые порой возвращаются ко мне, как призраки. Если бы могла, я очистила бы свои мысли до состояния *tabula rasa* [3 - *Tabula rasa* (лат.) – чистая доска.], как в фильме «Если ты оставишь меня, я тебя удалю»: я недавно еще раз посмотрела его, всей своей сущностью желая найти способ перепрограммировать воспоминания. Я бы без колебаний подверглась излечению, даже не сомневаясь в последний момент, как персонаж Джима Кэрри. Это все глупости, что сердцу нельзя приказывать: я надела на него намордник и закрыла его в ящике, выбросив ключ. Посмотрим, сможет ли оно по-прежнему навредить мне...

Нынешней ночью истеричные кошки соседки Клелии устроили дурдом, напоминая мне, что на дворе сезон любви. Кампо Сан-Вио казался Диким Западом, и из окна моей комнаты слышались вой и мяуканье, от которых по коже пробегала дрожь. Я часами вертелась в кровати, с сожалением вспоминая искусственных кошек Паолы, таких молчаливых и красивых. Искала на другой половине кровати руку, которую могла бы сжать, тело, к которому прижаться, но я была в одиночестве. Я одна. Я не требую любви, мне достаточно просто секса. Гайя говорит, что это вообще-то не в моем стиле, заниматься сексом только ради секса, потому что я все равно остаюсь романтической душой... Но она не поняла до конца, насколько я разочаровалась в любви. Теперь я хочу держаться подальше от нее.

Сейчас я иду к Гайе. Сегодня вечером мы сюрпризом организуем ее девичник. Гайя, конечно же, ничего не подозревает, думает, что это будет просто спокойный ужин с подругами, а вместо этого должна будет пережить весь тот традиционный цирк унижений и издевательских шуточек, которые мы, ее дорогие подруги, с любовью приготовили для нее.

Нажимаю на кнопку дверного звонка и, поднимаясь по лестнице, ведущей в лофт, вижу, как Гайя выталкивает из двери Самуэля Беллотти – мужчину, который через четыре дня станет ее мужем. Он цепляется, как кот, за наличник двери, чтобы украсть последний поцелуй. И похоже, ей это нравится.

Изображаю кашель, чтобы обнаружить свое присутствие, и прерываю их обмен нежностями.

– Ох, наша свидетельница... – Самуэль оглядывается и одаряет меня одной из своих улыбок для обложки.

– Я же ничему не помешала, правда?

Теперь и Гайя начинает смеяться.

– Самуэль уже собирался уходить, – отвечает решительно, уставившись на него горящими глазами. – Правда же? – заключает, страстно целуя его. Похоже, эти двое давно воздерживаются.

– Целуйтесь спокойно, – насмешливо бросаю я и в знак протеста поворачиваюсь к ним спиной. В этот момент замечаю на лестничной площадке очень серьезного типа с ястребиным взглядом, бритой головой и наушником bluetooth, вставленным в правое ухо. Это менеджер Беллотти. Он пожимает плечами и смотрит на меня со смиренным видом. Наверное, он уже привык к этим слащавым и щекотливым сценам.

– Ты точно уверена, что мне надо уйти? – спрашивает Самуэль, опуская руку на попу Гайи.

– Да! – рычит она. Я знаю, что если бы не рандеву с подругами, она бы с большим удовольствием осталась припечатанной к этим губам. – Брысь, брысь, – шипит Гайя и затем толчками выдворяет жениха окончательно.

– Обращайтесь с ней бережно, – говорит мне Самуэль, как будто чувствует, что за судьба ожидает Гайю, как только он уйдет. – И верните мне ее в целости и сохранности!

– Будь спокоен, – подмигиваю. – А ты не сильно руки распускай сегодня вечером, – добавляю вполголоса. (Насколько я знаю, его друзья организовали ему мальчишник в Падуе. Могу себе представить, что он тоже попадет в мясорубку.)

– Мне достаточно распускать руки только с одной, – бормочет жених, окидывая невесту взглядом. – И вообще, мне нельзя допоздна гулять, завтра у меня соревнования с хронометром, – говорит он громким голосом, выпячивая грудь и гордо глядя перед собой.

– Ну, ни пуха, – отвечаю с улыбкой и вхожу.

– Любимый, ты должен победить! – воркует Гайя.

– Можешь поспорить! – Он посылает ей воздушный поцелуй и спешит вниз по лестнице, сопровождаемый своим менеджером.

С тех пор как прошлым летом Гайя сообщила мне, что собирается замуж, я видела Самуэля всего три раза, но она столько всего мне о нем рассказала, что я будто знаю его с детства. Это успешный спортсмен, упорный и, конечно же, с сильным духом соперничества, если он ставит перед собою цель выиграть соревнования или завоевать женщину своей мечты, никто не в состоянии остановить его. Кроме того, он головокружительно красив: мужественные черты, идеальный греческий профиль, полные губы и настолько прямые и белые зубы, что при каждой улыбке мне приходит в голову реклама зубной пасты. Конечно, у него очень сильный и заметный венецианский акцент, но при этом глубокий красивый голос. Это тот тип мужчины, который умеет произвести впечатление на женщин и одновременно быть симпатичным мужчинам. Помимо того, он еще и богат: у него лофт в Монте-Карло, семейная вилла в Венето и коллекция спортивных мотоциклов, в которую он каждый месяц добавляет новый экземпляр. У такого типа должно быть как минимум завышенное эго, однако это не совсем так. То есть он, конечно, себялюбив, но в допустимой степени. Подобно многим осознающим свой талант людям, он очень самоуверенный экстраверт, но если иногда и перегибает, ему это можно спокойно простить.

Когда я немного его узнала (скажем, после того, как мы обменялись несколькими словами), я оставила начальные предубеждения и поняла, что если

Самуэль и заставил Гайю побегать за собой, то делал это не из стратегических соображений и не по причине отсутствия интереса, а из-за со своей второй большой страсти – велосипедного спорта. На самом деле окончательно меня убедила Гайя: я никогда не видела ее настолько уверенной и влюбленной. Теперь я очень счастлива, что она выбрала его, а не Брандоллини (хотя их роман с графом был как в сказке, там не было искренней любви). В общем, я могу исполнять свою роль свидетельницы на этой свадьбе совершенно искренне.

* * *

Входя в лофт новобрачных, понимаю, что все другие девушки уже подошли. Алессандра – младшая сестра Гайи, которая живет в Лондоне и уже два года как замужем за Кевином (он что-то вроде Ленни Кравица с прической «раста»), занята на кухне с подносом vol-au-vent[4 - Vol-au-vent (франц.) – маленькие корзиночки из слоеного теста, которые наполняют кремом из сыра, грибов и овощей либо сладким кремом.]. Валентина, Серена и Чечилия, подруги по лицу, сидят на диване и попивают «Беллини», заедая арахисом. Они словно только что прошли изнуряющую сессию прически и макияжа и сверкают в своих суперобтягивающих платьицах. Чувствую себя не на высоте в своих удобных джинсах и винтажной футболке, но замечаю, что Гайя сделала тот же выбор. Я хотя бы предприняла усилие и надела Paciotti на двенадцатисантиметровой шпильке, которые немного облагораживают вид.

Идея девичника пришла в голову Валентине. Она тоже работает PR в ночных клубах и, когда узнала о моем приезде в Венецию, сразу же вовлекла меня в организацию вечеринки-сюрприза. Сохранить секрет от Гайи было не просто, принимая во внимание ее неудержимое любопытство и мою известную неспособность противостоять хитроумным вопросам, но все же мне это удалось, и теперь я могу ответить гордым кивком головы на подмигивание Валентины.

Когда мы пребываем на третьем заходе аперитивов, раздается звонок в дверь.

– Кто это? – спрашивает Гайя, прерывая смертельно скучный рассказ о своей свадебной прическе.

– Я открою, – Валентина спешит к двери.

Слышим, как она с кем-то разговаривает.

– Ого-о-о! Кажется, у нас доставка для синьорины Кинеллато. – Она повышает голос, чтобы ее было слышно.

Валентина входит к нам в комнату с огромной сумкой из розовой бумаги в руке. Другой рукой передает Гайе странный букет.

– Какие красивые цветы! – восклицают все со смехом. Вместо роз в букете 25 кружевных трусиков, свернутых в форме бутона.

– Потрясающе! – Гайя с энтузиазмом срывает один из них и размахивает у нас перед глазами. Смеется как сумасшедшая. – А в той сумке на полу что спрятано? Мне надо начинать беспокоиться?

– Сю-ю-ю-ю-рпри-и-из! – Открываю сумку и достаю поддельную фату невесты. Это корона из стразов, с которой спускается отрез из мягкого белого шелка. – Ты еще не знаешь, что тебя ждет сегодня вечером! – говорю, надевая на невесту фату.

Гайя разводит руками и улыбается:

– Ну и ладно, можете делать со мной все что угодно. Я же знаю, что вы просто завидуете, потому что я собираюсь выйти замуж за самого потрясного мужика на планете! – Она поднимает глаза к небу с понимающим видом.

Коллективное «Бу-у-у-у-у-у-у» слышится с дивана, и Гайя прикрывает рот рукой, как человек, который понял, что сказал лишнее.

Я в это время достаю из сумки все остальное, продолжая одевать невесту: корсаж из черного кружева с вставками из розового шелка и подвязка со стразами и перьями, надетая поверх джинсов.

После получаса неловких приготовлений невеста готова. В таком виде она похожа на современный вариант Чиччолины в ее лучшие времена. Меня немного смущает ее вид. Как мы ее выведем на улицу? Хорошо, что Гайя всегда была человеком, готовым все воспринимать с улыбкой.

– А теперь пойдём праздновать в «Моло Чинкве»![5 - Моло Чинкве (итал. *Molo Cinque*) – Пятый причал.] – объявляет с торжеством Валентина, потянув Гайю за подвязки.

– Эле, от тебя я такого не ожидала! – Гайя смотрит на меня глазами жертвы, не прекращая покачивать головой. И это еще только начало, подружка...

– Ну, невестушка, готовься к худшему! – Подаю ей руку, чтобы подбодрить, а затем все вместе вываливаем на улицу.

* * *

Пересекаем площадь Сан-Марко под веселыми, недоумевающими взглядами туристов. Мы дали Гайе в руки плакат с надписью: «ЦЕЛЮЮ ВСЕХ – КРАСАВЦЕВ И НЕУМЕХ!» Мы решили, что по дороге отсюда до Риальто[6 - Риальто (итал. *Rialto*) – самый античный район Венеции, знаменитый благодаря одноименному мосту Риальто.] она должна поцеловать в губы хотя бы трех человек. Она действительно старается и, превышая все наши ожидания, целует в следующей последовательности: очень яркую и ухоженную блондинку, которая потом оказывается не менее чем русской аристократкой, дальней-предальной родственницей Романовых; бодрого дедка, у которого от такого счастья чуть не остановился расемакер, подвешенный на шею; шестнадцатилетнего юнца на пике гормонального кризиса и женатого мужчину с полного одобрения стоящей рядом супруги (не думаю, что они из-за этого разведутся прямо сегодня вечером).

Добравшись до Риальто, делаем остановку в «Банкоджиро», очень знаменитой чикеттерие[7 - Чикеттерия (итал. *cicchetteria*) – типичные венецианские закусовые, где подают алкогольные напитки и разнообразные закуски.] у подножия моста, где подают разные типы польпетте[8 - Польпетте (итал. *polpette*) – маленькие котлетки круглой формы, размером с грецкий орех, из мяса, рыбы или овощей.] и спиедини[9 - Спиедини (итал. *spiedini*) – закуски, нанизанные на шпажки, что-то вроде маленького шашлыка из мяса или овощей.] из мяса и рыбы. Наша группа с гордостью проходит внутрь заведения, притягивая к себе, словно магнит, взгляды клиентуры, преимущественно мужской. Мы присаживаемся за длинный стол в центре остерии[10 - Остерия (итал. *osteria*) – тип закусовой, где подают только алкогольные напитки и небольшие закуски, без горячего.], причем Гайя продолжает монополизировать

сцену, совсем не обеспокоенная всем тем вниманием, которое к себе притягивает. Я на ее месте была бы уже фиолетовая от стыда, а Гайя выглядит полностью в своей стихии, остроумная и самоироничная, какой только она может быть. Конечно, немного ей помогли и литры алкоголя, которыми мы ее накачали.

Объевшись до невозможности, в полночь прибываем на Пьяццале Рома. Там нас ждет белый лимузин, целиком в нашем распоряжении, готовый отвезти на дискотеку. Гайя этого не ожидала. «Вы совершенно сумасшедшие!» – кричит счастливая и «дает пять» нам всем. Забираемся внутрь и разваливаемся на сиденьях из черной кожи, наливаем друг дружке шампанское и распевая во весь голос самый пошлый репертуар итальянских песен 80-х под аккомпанемент мигающих огоньков внутри салона. Все это вместе создает убийственную смесь нереальности и вульгарности, и мы прекрасно отдаем себе в этом отчет, но, может быть, именно поэтому нам так весело.

Меньше чем через двадцать минут мы у входа в дискотеку «Моло Чинкве» – здесь Гайя работала до прошлого года, пока Беллотти не предложил ей выйти замуж. Естественно, мы в списке VIP, что означает красный ковер до входа в *prive*, зарезервированный в стратегическом местоположении стол и безлимитную выпивку.

Здесь к нашей компании присоединяются остальные друзья, ведь если принять во внимание ее работу и мужчину, за которого она собирается замуж, Гайя знакома с половиной планеты.

Вечер продолжается по классическому сценарию итальянского девичника. И хотя история всегда одна и та же и временами просто жалкая, Гайя светится собственным неподражаемым светом, даже одетая как порнозвезда. Она на танцполе, красивая, как богиня, и раздает улыбки, поцелуи и объятия. Все хотят пообщаться с будущей невестой. Девушки с мечтательным видом спрашивают, как выглядит платье, а некоторые мужчины упрашивают ее передумать или хотя бы позволить себе последнее приключение. Бедные наивные дурачки: Беллотти по сравнению с ними уже вне конкуренции.

К нашему столу подают двенадцатилитровую бутылку «Moet&Chandon» в сопровождении фонтанов света. Скоро наступит время и для торта, но прежде, к сожалению, кульминационный момент вечера. Диджей прерывает музыку и, попросив Гайю сесть на стул посреди танцпола, объявляет номер стриптизера.

Гайя моргает, как будто огорошенная ледяным душем, и ищет меня глазами среди многочисленных лиц, окруживших ее. Я прекрасно знаю, о чем она думает, потому что у меня в голове та же самая мысль, одно из воспоминаний почти двадцатилетней дружбы, перечень наших изображений в разных стилях: карэ и Levi's 501 в средней школе, Dr.Martens и рюкзак Invicta на плече в лицее, Diesel с заниженной талией и безумного дизайна сумка в университете. Но мы всегда были объединены против вульгарности и обещали друг другу, что никогда в жизни не устроим девичник со стриптизером.

И вот это случилось.

Я прячусь за Валентиной, основной зачинщицей: используя связи, ей удалось заполучить одного из «California Dream Men»[11 - «California Dream Man» - знаменитая группа стриптизеров мужского пола, очень популярная в Италии.]. Клянусь, я попыталась сдержать обещание, данное Гайе, и противостоять этому ужасному обычаю, но Валентина оказалась сильнее и в конце концов победила.

Наш стриптизер появился в костюме в стиле «Офицер и джентльмен», белая форма, полностью открытая на глянцевой груди, белейшая улыбка и мощно выпирающая ширинка. Звучит классическая мелодия Джо Кокера, и стриптизер начинает извиваться, и в этот момент я понимаю одну вещь: наслаждаться этой нашей мечтой приличных девочек, которая разлетается на осколки, на самом деле гораздо веселей, чем я себе представляла. По крайней мере, если смотреть отсюда, спрятавшись за густой шевелюрой Валентины. Но не могу поручиться, что для Гайи, сидящей в центре танцпола, это так же.

Тем временем орда оголодавших женщин сходит с ума, повсюду раздаются беспорядочные крики, и Макс - типичное имя для стриптизера - присоединяется к Гайе и предлагает ей слиться с ним в сексуальном танце. На самом деле он просто красавец и потрясающе танцует, но все представление - это агония от начала до конца. Гайя корчит рожи, которые сами по себе уже являются театром, я смеюсь как ненормальная, уже полностью войдя в роль Иуды, и когда Макс остается в красных стрингах в форме слоника и начинает размахивать хоботом, как лассо, у меня чуть не случается инфаркт. Под конец представления Макс поворачивается спиной к зрителям, становясь прямо перед Гайей, которая уже в полуобморочном состоянии, и, накрывшись позолоченной простыней с головы до ног, снимает трусы. Несколько напряженных минут, а затем простыня, как по волшебству, открывается, представляя его полностью обнаженное тело только для нее.

Гайя, извини, но я не смогла спасти тебя от этого кошмара!

* * *

По окончании вечеринки я чувствую себя опустошенной и пьяной. На выходе Гайя, которая уже переделалась в обычную одежду, прощается с девчонками. Потом поворачивается ко мне и приказывает вполголоса, собрав остатки сознания:

– Поскольку ты моя должница с сегодняшнего дня и навечно за то, что ты мне сделала, ты сейчас продолжишь вечер со мной. Естественно, спать будем у тебя...

Я знаю, что не могу отказаться: это минимум из того, что я ей должна.

Мы прибываем на Пьяццале Рома на схваченном на лету такси и решаем сделать остановку в «Муро» – заведении, в которое ходили в университетские времена и впоследствии.

В эту ночь на небе полная луна, уже около четырех, и вечер для многих закончился. Бар потихоньку пустеет. Гайю сразу же окружают любопытствующие, которые забрасывают ее вопросами о предстоящей свадьбе. Не знаю, где она находит силы отвечать осмысленно, не путаясь в словах. Я в это время устраиваюсь поудобнее у барной стойки. Нико, бармен, сердечно приветствует меня.

– Рад видеть тебя, атоге, – говорит, – ты где пропадала все это время?

– Я переехала в Рим.

– Навсегда? – Он изображает отчаяние.

– Ну... – пожимаю плечами, – не думаю... не знаю.

Слишком сложный вопрос, особенно если принять во внимание время и уровень алкоголя.

- Кока-кола, как обычно? – спрашивает он. В его воспоминаниях я по-прежнему непьющая. Но с того времени будто прошла целая жизнь.

- Да ну, ладно, дай мне один из твоих коктейлей.

- Правда? – Он ошарашенно смотрит на меня.

- Да, кое-что изменилось.

Пока жду, оглядываюсь по сторонам с рассеянным видом и внезапно вижу его. Он стоит, прислонившись к колонне. Его светло-зеленые глаза не может скрыть даже темнота ночи. Я не видела Филиппо с того дня, как мы расстались в баре на Изола Тибертине. Грусть затеняет мне взгляд, но, к счастью, это продолжается недолго. Он заметил, что я здесь? Ну что ж, стоит сделать первый шаг, в конце концов, я обязана ему. Беру коктейль от Нико и иду к нему.

- Чао! – Становлюсь напротив и пробую слабо улыбнуться.

- Чао, Елена! – отвечает он с удивлением. Похоже, он только сейчас заметил мое присутствие. Он слегка смущен, я чувствую его отчужденность и делаю шаг вперед, чтобы поприветствовать поцелуем в обе щеки, но потом передумываю: невидимая стена отделяет его от меня. Никаких поцелуев и объятий – написано на ней. Биби больше не существует, есть только Елена, и ей не позволено переступить определенную черту.

- Как дела? – спрашиваю, не переходя границу условностей.

- Хорошо, – он пожимает плечами. – А ты? – спрашивает нейтральным тоном.

Я не могу понять выражение его лица. Это просто вежливость, скрытое раздражение, замаскированная злость или все же равнодушие? Но он точно выдерживает дистанцию больше необходимого.

- Я слегка не в себе, но хорошо.

Чувствую, что мое лицо искажено от усталости и всего того алкоголя, который я выпила с начала вечера. Я, должно быть, выгляжу как монстр.

- Гайя в субботу выходит замуж, - решаю объяснить.

- Да, я слышал, - на его губах появляется улыбка.

- Ты знаешь, я свидетельница, мы сегодня вечером устроили ей девичник, - говорю с излишком энтузиазма.

- Ты удержишься только на время свадьбы? - интересуется Филиппо (или притворяется, что ему интересно). Взгляд его опущен в пол.

- Да. В понедельник возвращаюсь в Рим, - отвечаю, когда он поднимает глаза. - Ну а ты, как поживаешь? Ты открыл свою студию?

- Да, уже два месяца как, на площади Санто-Стефано. - В его голосе слышатся нотки удовлетворения. - А еще я купил квартиру. - Он смотрит на меня с некоторым сожалением.

По тому, как он это сказал, я понимаю, что речь идет о той самой квартире, которую мы видели вместе, той, где должны были поселиться.

- Теперь я раб ипотеки на будущие двадцать - двадцать пять лет, но это того стоило.

Так что его переезд окончательный.

- А ты работаешь? - спрашивает он.

- Более-менее... да. - Мой голос срывается. На мгновение в мои мысли вернулись образы нас вдвоем, счастливых в общем доме. - Иногда подрабатываю, - продолжаю, заправляя волосы за ухо. Мне не хочется рассказывать ему, что я уволилась и живу у Паолы.

- Хорошо, - говорит он ледяным голосом.

И в этот самый момент темноволосая девушка – очень молодая! – в джинсах, коротком пиджачке и балетках выныривает из-за двери туалета и, взяв его под руку, говорит: «Фил, пойдём?»

Фил? Пойдём? Куда это ты с ним собралась?

Увы, куда бы они ни собирались, он будто ждёт не дожидается отвести её туда.

– Конечно, – отвечает, кладя ей руку на спину. Потом поворачивается ко мне с выражением неловкости, смешанной с триумфом. – Ну пока!

– Пока! – отвечаю с обалделым видом, коктейль чуть не выскользывает у меня из руки. Смотрю, как они удаляются, и думаю, что, в конце концов, я этого заслужила.

Вот почему он был таким отстранённым и холодным. Похоже, что это его новая девушка или что-то вроде того. Конечно, она очень красивая: худощавая фигурка, кукольные черты лица. ...Пожалуй, слишком кукольные для Филиппо, но вкусы меняются. (И я лучше всех понимаю это, после того как из непьющей вегетарианки превратилась в течение года чуть не в алкоголичку и пожирательницу мяса.) Но больше всего меня потрясло, что она назвала его «Фил». Я полагала, что я единственная так его называю. И если быть честной, то думала, что вообще единственная, кого он может любить... Только теперь понимаю, насколько глупы некоторые убеждения, они появляются у нас просто по привычке.

Странное ощущение. Пытаюсь понять чувства, которые остались у меня после встречи с Филиппо и не могу дать им определение: нечто среднее между глубоким чувством одиночества и экстремальным чувством свободы, смешанным с меланхолией и облегчением. Мы жили вместе в течение шести месяцев, и уже невозможно забыть моменты, проведенные вместе, во время нашей совместной жизни и еще раньше. Чувствую, что я по-прежнему хорошо отношусь к Филиппо, но ничего более: мое сердце не замерло ни на мгновение, пока он был передо мной и мы разговаривали, ноги стояли крепко и не дрожали, внутри меня ничего не происходило. Как ни печально это признавать, я понимаю, что больше не люблю его. Да и никогда не была в этом уверена. Эта встреча – последнее доказательство, наше второе и окончательное прощание.

- Все ок? - Гайя появляется на горизонте.

Я описываю ей в двух словах нашу встречу с Филиппо.

- Ты знала об этом? - спрашиваю.

- Нет, я впервые узнаю?, что он с кем-то, - говорит она с некоторым облегчением. - Эле, он ужасно страдал.

- Я понимаю. - Сжимаю губы в твердую линию. - Спасибо, что напомнила.

- Эй, - Гайя поглаживает меня по плечу, - я знаю, что тебе тоже нелегко пришлось.

- Спокойно, все уже в прошлом.

На самом деле это еще один повод для боли, которая не проходит, но сейчас не время думать об этом.

* * *

Когда мы заходим в мою квартиру, я сразу же снимаю туфли и бегу в спальню, чтобы надеть футболку и спортивные штаны.

К моему удивлению, Гайя тоже выбирает удобство.

- Можно я надену твою футболку из лица? - спрашивает, роясь в одном из ящичков комода.

Это напоминает мне о старых добрых временах.

- Я обычно облачаюсь в нее, когда убираюсь, но если ты так хочешь...

На лице Гайи появляется выражение отвращения, и она вытирает руки о джинсы.

Я смеюсь: «Да я пошутила».

Она натягивает футболку с карикатурой Марко Поло и, усердно роаясь в шкафу, спрашивает с беспокойством:

– А где твое платье? – Она имеет в виду наряд свидетельницы или, как она выражается: подружки невесты.

– Я отдала его на хранение маме, – отвечаю я.

– Почему? Что случилось?

– Да ничего, успокойся, просто она хочет привести его в порядок, как следует накрахмалить и отпарить. В общем, чтоб ни морщинки на нем не было. Ты же знаешь мою маму...

– Святая женщина! – Она улыбается. Потом направляется в кухню, открывает морозильник и заглядывает внутрь. – Это прошлогоднее? – спрашивает, вынимая упаковку ванильного мороженого.

– Балда, я его вчера купила, – качаю головой. – А ты разве не на диете перед свадьбой?

– Да наплевать! Что есть, то есть.

– Ничего потом не хочу слышать, – предупреждаю заранее, предвидя, что завтра она будет отчитывать меня за то, что позволила ей объесться.

– Да ладно, Эле, хотя бы сегодня вечером не приставай! – Гайя ищет две ложечки в ящике на кухне. – Ты лучше составь мне компанию.

Я, разумеется, предвидела и это тоже.

Гайя берет пульт и начинает менять каналы до тех пор, пока не находит MTV с Шакирой, которая чувственно виляет бедрами. С восхищением наблюдаем, как она пляшет на многолюдной улице – прекрасно выглядит и с идеальным макияжем.

- По-твоему, у нее действительно потрясающая задница? - спрашивает Гайя.

- Боюсь, что да, - киваю я. Подруга относится к телезвездам как к потенциальным соперницам. Меня всегда это ужасно смешило.

- Ты не думаешь, что она у нее чересчур толстая? - настаивает.

- Нет, Гайя, уверяю тебя, она потрясающая.

- Мне она кажется непропорциональной.

Пытаюсь быть объективной:

- Ну, вообще-то, и правда, задница Шакиры вдвое больше твоей.

Замираем в молчании. Алкоголь по-прежнему в крови, и его влияние не помогает нам, потому что в этот момент обе думаем, является ли это комплиментом Гайе или Шакире. И не можем понять, как выбраться из этой ситуации.

- Самуэль ее обожает, - отрезает Гайя. Вздыхает, погружая ложку в содержимое упаковки мороженого. - Но вообще я не волнуюсь: я уверена, что вживую она не такая красивая.

- Ну, спасибо, Гайя, теперь, когда ты мне это сказала, я могу спать спокойно.

Моя подруга полагает, что нам требуется утешение каждый раз, когда мы видим девушку красивее себя.

- Все эти видео подкорректированы, - продолжает она с предельной серьезностью. И я знаю, что она делает это также и для меня, потому что любит меня и не хочет, чтобы я чувствовала себя ущербной по сравнению с Шакирой.

- Ну конечно, и потом мастера по макияжу делают чудеса, разве не так? - кажется, тема меня захватила.

– Кстати, о макияже... У меня в субботу будет Джессика Моро – лучшая в этой области. Она делает макияж звездам на Венецианском кинофестивале. Она потрясающая! – Лицо подруги светится при смене темы. – И потом, Патрик сделает мне прическу.

– Ты будешь потрясающе выглядеть.

Я уже видела платье. Хотя, будучи в Риме, я и не смогла сопровождать Гайю, она умудрилась вовлечь меня в изнуряющие поиски, отправляя фотографии из примерочных магазинов свадебных платьев всего Северо-Восточного региона. В конце концов мы выбрали платье от Dolce&Gabbana цвета слоновой кости, с корсажем и пышной воздушной юбкой, как у дам XVII века.

– Наверное, это уж чесчур, особенно с этими перчатками до локтя, но я чувствую: это платье – мое...

– Ты будешь потрясающе выглядеть. – Конечно, я это уже говорила, но повторяю еще раз.

– Слушай, Эле... Как думаешь, я правильно поступаю, выходя за Самуэля? – внезапно спрашивает Гайя смиренным тоном.

Господи, что это? Неужели она собирается передумать?

– А почему ты меня спрашиваешь?

– Да не знаю... – Гайя хмурится и надувает губки, напоминая потерявшегося щенка. – Просто мне ужасно страшно!

– Иди сюда, – шепчу с нежностью, обнимая ее. – Уверена, ты делаешь правильный выбор, иначе я не согласилась бы стать твоей свидетельницей, что скажешь? – пытаюсь ободрить подругу.

Следует долгая пауза. Потом Гайя доверительно сообщает мне:

– В последнее время у нас все странно.

- В каком смысле?

- В том самом! - Она поднимает глаза к небу. - Мы уже давно сексом не занимались.

- Как давно?

Она начинает считать на пальцах:

- Если считать соревнования Милан - Санремо, Джиро ди Фиандре, Париж - Рубо (это только соревнования, которые он считает самыми важными), то около двух месяцев!

- Правда? - спрашиваю, стараясь выглядеть не очень шокированной.

- Да! - Она вздыхает. - Тебе это не кажется грустным?

- Ну... - Я не знаю, что ответить. Собираюсь сказать ей, что еще печальнее заниматься сексом и не получать оргазма, как в моем случае, но потом сама себя обрываю: сейчас мы говорим о ней, а не обо мне. И моя роль лучшей подруги заключается в том, чтобы облегчить драматизм ситуации. - Дорогая, после той суммы, которую ты заставила меня потратить на платье свидетельницы, у тебя нет права на то, чтобы передумать. Предупреждаю тебя!

Гайя улыбается, потом снова на минуту задумывается:

- Похоже, сегодня вечером он приходил ко мне, чтобы все загладить...

- Боже, если это так, - сглатываю, - а, наверное, так и есть, тогда я жалею, что приняла участие в организации девичника.

- Шутишь? Это была потрясающая вечеринка.

- Скажи мне правду: стриптизер на самом деле тебе понравился? - подмигиваю.

– Эле, не будем об этом... – она прячет лицо в ладонях, – он был микроскопический!

И Гайя делает красноречивый жест пальцами.

– Неправда!

– Клянусь!

– Ну ладно, для следующей свадьбы мы подберем тебе кого-нибудь хорошо оснащенного! Смотрю на часы на стене и понимаю, что уже рассвет. – Пошли спать?

– Только если оставим свет включенным. А то ты сразу заснешь.

– Действительно, у меня были именно такие намерения, – отвечаю.

– Уф-ф-ф, но я еще хочу поболтать!

– Я этого и боялась...

* * *

Мы в постели и уже давно болтаем. Ну, или скорее Гайя болтает. Она растянулась на той стороне кровати рядом с окном – там, где спал Леонардо в последний раз, когда мы занимались любовью в этой комнате. Напряжение от предстоящей свадьбы делает мою подружку еще разговорчивее. Гайя рассказала мне все, что можно, о жизни Самуэля Беллотти, теперь я могу написать о нем дипломную работу.

Мы лежим лицом к лицу, касаясь согнутыми коленями.

– Мы можем хотя бы выключить свет? – спрашиваю. – У меня глаза болят.

Она кивает, сдавшись, но с предупреждающим взглядом, который говорит мне: «Еще не время спать». Я выключаю светильник у кровати, и мы оказываемся в

темноте.

- Эле?

- А... - мычу.

- Как давно мы уже дружим?

- С первого класса.

- Сколько раз мы ночевали вместе? Тысячи?

- Ну, почти.

- Мне хочется плакать, когда подумаю, что, возможно, этого больше никогда не случится.

Мои глаза привыкли к темноте, и я вижу черты ее лица. Со своим хвостиком она напоминает сейчас тинейджера. Этот момент переносит меня во времена лица, когда, потихоньку болтая и хихикая, мы лежали в постели в ее комнате, в то время как сестренка Алессандра храпела в своем спальном мешке с рисунком Snoopy.

- Я надеюсь, что это еще повторится. В крайнем случае, я лягу между тобой и Самуэлем, - заявляю.

Гайя взрывается смехом.

- Что такое? - спрашиваю, погружаясь головой в подушку.

- Ты помнишь, в летнем лагере на Доломити[12 - Доломити (итал. Dolomiti) - горная гряда, относящаяся к Восточным Альпам в Италии и растянувшаяся между провинциями Беллуно, Тренто, Удине и Порденоне.]... той ночью, когда Винченцо из Неаполя вбил себе в голову, что будет спать между нами?

Я тоже начинаю смеяться, вспоминая этот эпизод. Нам было по тринадцать лет, Гайя заставила Винченцо поверить, что мы обе влюблены в него и что в полночь, после обычного обхода, мы впустим его в нашу комнату через окно. Бедняга всю ночь прождал на холоде, а мы из окна передавали ему закодированные сообщения, не имеющие никакого смысла, которые он силился расшифровать в надежде, что мы ему откроем.

- Мы были настоящими стервами...

Внезапно чувствую ностальгию по тем двум девчонкам. По тому, что с ними случилось, по тому, насколько они сейчас взрослые, хотя остались маленькими глубоко внутри. В тридцать лет вроде бы ничего не изменилось, несмотря на то, что Гайя собирается замуж и, вероятно, в один прекрасный день станет матерью, а я переживаю самый сумбурный период своей жизни.

- Давай еще поболтаем, - говорит Гайя тихо. - Прошу тебя, не засыпай. Мы уже давно не были вместе вот так, мне этого не хватало.

- Мне тоже, - бормочу.

И прежде чем осознаю что-то, погружаюсь в сонную кому. Спокойной ночи, Гайя. Я всегда буду рядом с тобой.

Глава 3

За день до свадьбы я заезжаю в квартиру родителей за нарядом свидетельницы. С тех пор как я приехала в Венецию, моя мама потратила на него многие часы. Она постирала его вручную, потом вымочила в рисовом крахмале, высушила вдали от прямого солнечного света, отгладила с паром - выполнила практически все услуги, какие оказывают в специализированной химчистке. И я уверена, что буду ей благодарна, потому что прекрасное платье из шифона, которое Гайя выбрала для меня, было безнадежным после шестичасового путешествия всмятку в моем чемодане. Когда я вытащила его, оно казалось тряпкой для вытирания пыли, но теперь снова будет безупречным: все возвращается к жизни, проходя через руки Бетты - моей мамы.

Нажимаю на дверной звонок семьи Вольпе около полудня. Поднимаюсь и нахожу маму на кухне. А где еще она может быть в этот час? Она готовит запеканку из картошки с четырьмя сортами сыра и шпинатом. От одного взгляда на это аппетитное блюдо начинаешь толстеть. Боже, как же мне не хватает макарон, которыми она меня бесстыдно баловала почти тридцать лет!

- А вот и твоя обожаемая доченька! - приветствую я ее. Бросаю сумку на диван и подхожу к столу.

- Привет, дорогая, - не прекращая месить, мама наклоняется и подставляет щеку для поцелуя. - Платье в твоей комнате, - она произносит это так, будто там работы было на пять минут.

- Спасибо, мама! Пойду посмотрю на чудо. - Я уже собираюсь идти, но ее голос останавливает меня.

- Этот небесно-голубой не слишком яркий для наряда свидетельницы?

- Это решение Гайи, мама. Но на сей раз выбранное ею платье мне сразу понравилось.

Если бы она остановилась на классическом кукольном розовом цвете, как у американских подружек невесты, я бы повесилась.

- Ну, возможно... - мама пожимает плечами, не вполне уверенная. Потом наклоняет голову набок и смотрит мне прямо в глаза. - Ну а у тебя как дела? - спрашивает настойчиво, от ее взгляда ничего не скроется.

- Нормально. Почему ты спрашиваешь?

- Не знаю, ты такая бледная, - в ее голосе слышится беспокойство и упрек.

- Правда?

Я оглядываю руки и ноги, но не замечаю сильной разницы по сравнению с моим обычным цветом кожи: розовый с сильно выраженным мертвенно-бледным оттенком.

– Могла бы сходить в солярий сегодня днем, – предлагает она.

– Да, конечно, – отвечаю, ухмыляясь, – и тогда завтра у меня на месте щек будут два поджаристых бифштекса.

– Ну, тогда воспользуйся тональным кремом или румянами, – говорит она с видом специалиста по макияжу. – Елена, ты должна поживее выглядеть. Ты же свидетельница! – Она с такой силой делает ударение на этом слове, словно завтра меня ожидает самая главная миссия в моей жизни. – Ты обязана быть почти такой же красивой, как невеста.

Фыркаю, поскольку такие вещи никогда меня не волновали.

– Гайе я в любом случае понравлюсь, знаешь? Даже если я буду бледная, как полотно.

– Ну, а я все равно завтра схожу на церемонию. – Мама быстро меняет тему разговора. – Мне так любопытно посмотреть на Гайю. И хочу ее поздравить.

Ходить на свадьбы даже незнакомых людей ей всегда нравилось. Потом она произносит, с естественностью, которая кому-нибудь другому, кроме меня, могла бы показаться случайной фразой:

– Ей здорово повезло с этим велосипедистом...

На помощь! Я знаю, к чему она ведет.

– Ты вот даже и не думаешь о замужестве, а? – Она поддевает меня с классическими нотками ехидной венецианки в голосе. – У тебя аллергия на белое платье.

– Ты не думаешь, что с моим цветом кожи оно бы ужасно смотрелось? – пытаюсь свести все к шутке.

– Филиппо был таким хорошим парнем, – продолжает она настойчиво, вздыхая и возводя глаза к небу. Как и все мамы, она была очарована идеальным женихом

дочери.

- Да ты с ним всего три раза разговаривала!

- Ну и что с того? Немного надо было, чтобы понять, что он приличный человек.

Боже, она говорит о нем так, будто он умер! Уже возвела его в ранг святых. Потом смотрит мне прямо в глаза и сбрасывает одну из своих бомб:

- Но тебе хорошие парни никогда не нравились... вот в чем дело.

- Ну если уж на то пошло, то это я им не нравлюсь, - отвечаю с готовностью.

Мы уже миллион раз это обсуждали, я отточила все дежурные фразы этого сценария. Но в глубине души не могу не признать ее правоту: к сожалению, я тоже отношусь к числу женщин, предпочитающих мерзавцев. Как бы мне хотелось надавать себе пощечин за это!

- Мы с отцом так за тебя переживаем, - говорит мама внезапно смягчившимся тоном. - Ты приехала сюда и даже не показываешься, не бываешь с нами...

- Мама, ты же знаешь, что у меня не было ни минутки свободной: надо было организовать девичник для Гайи и все остальное... Ну а теперь-то я здесь, - пытаюсь оправдаться.

- Я надеюсь, ты останешься на обед.

Это скорее не приглашение, а просьба.

- Ну конечно! - Я улыбаюсь еще шире и щиплю ее за щеку. - Но только ради запеканки, чтобы ты знала!

- Ах, неблагодарная дочь! - Она качает головой, притворяясь, будто сердится. На самом деле мне удалось заставить ее улыбнуться.

– Ладно, еще немножко останусь ради тебя, но только совсем чуть-чуть, – уточняю, чмокая ее в щеку. Надеюсь, что этим я ее задобриваю и наконец-то иду в свою прежнюю комнату посмотреть на платье.

Мое Versace там, вывешено снаружи на створке шкафа и пахнет чем-то приятным. Бетта, как всегда, прекрасно поработала! Чем больше я на него смотрю, тем больше оно мне нравится. Может быть, из-за этого ярко-голубого оттенка или потому, что мне нравятся платья без бретелек и длина чуть выше колена идеальна – закрывает целлюлит на бедрах (это мой пунктик)... Смотрю на него сейчас, и оно кажется мне утонченным и элегантным в своей простоте. Снимаю платье с вешалки и прикладываю к себе. Потом бросаю взгляд на свое отражение в зеркале на стене. Я в него влезу? У меня ужасное впечатление, что платье под село, но, возможно, это просто эффект старого зеркала. Остается надеяться, что все будет хорошо, потому что, если я не смогу застегнуть молнию на спине, это печально. Я решила (точнее, Гайя решила за меня и это) дополнить наряд сумочкой-клатчем и лиловыми рептором, которые нынче находятся в гардеробной моей венецианской квартиры.

Стараясь не думать, кладу платье на кровать. Когда поворачиваюсь, мне не удастся избежать встречи с моим отражением в зеркале. Разглядываю себя, на сей раз с большим вниманием, с головы до ног. На самом деле видок у меня тот еще... Пожалуй, надо прислушаться к маме и ее беспокойству. Ночи, проведенные вне дома, нерегулярное питание и избыток алкогольных коктейлей наградили меня мешками под глазами и серым цветом лица. И потом, в центре лба, меж бровей, появилась глубокая морщина, будто вырезанная постоянной, режущей болью. «Нет таких забот, которые не могут быть изгнаны хорошим массажем лица и подходящим кремом», – говорит всегда Гайя. Я никогда в это особо не верила, но, наверное, пришел момент проверить.

– Елена, иди обедать! – доносится пронзительный мамин голос из коридора. – Все готово!

– Иду! – кричу и спешу на кухню.

Приветствую отца, только что вернувшегося из сообщества «ARCI»[13 - ARCI (итал. Associazione Ricreativa e Culturale Italiana) – социально-культурная организация, созданная в период освобождения от фашизма. В настоящий момент организация несет исключительно культурную функцию.] и уже сидящего на своем месте, готового наброситься на содержимое тарелки, и тоже

присаживаюсь. Стол накрыт как для свадебного банкета. От одного вида всех этих яств у меня уже слюнки текут, но мне в голову тут же приходит мысль, что из-за лишних ста граммов я могу не застегнуть платье. Мамина запеканка улыбается мне с тарелки, аппетитная и подлая, угрожая добавить мне складки жира. Я сразу же сдаюсь, без сожаления берясь за вилку. Когда я еще увижу такие деликатесы в ожидающие меня грустные деньки в Риме?

* * *

Съев обед, достойный императора, я помогаю маме прибраться в кухне, а затем присоединяюсь к отцу в гостиной.

Рисуясь, он рассказывает мне о своей последней роли в спектакле любительской театральной группы, где он занят. Я киваю, силясь удержать внимание – мне и на самом деле хотелось бы увидеть его на сцене, – но когда отец заканчивает свой рассказ, между нами наступает тяжелая тишина, и я не нахожу чем ее заполнить. Он вздыхает и, глядя прямо перед собой, с застенчивостью и неловкостью отцов своего поколения (нежных и немного грубоватых) спрашивает меня: «Элена, скажи мне правду, у тебя действительно все в порядке?»

– Конечно, – отвечаю я, слегка неуверенно, но надеюсь внушить доверие. – Почему нет?

– Не знаю. – Он задумчиво покачивает головой. – С тех пор как ты порвала с тем парнем, Филиппо... – делает паузу, будто стесняясь произносить это имя, – ты стала такой закрытой, неуловимой. Я просто немного волнуюсь за тебя. Мне хотелось бы знать, что у тебя на уме.

– Ну, мне не кажется, что я не такая, как обычно, – отвечаю, закрываясь в себе на двойной запор.

– Ведь ты ничего нам больше не рассказываешь о себе, – продолжает он. – А прежде ты всегда всё рассказывала, хотя бы маме.

По всему видно, что он предпринимает сейчас немалое усилие, отходя от своей привычной роли в нашей семье – роли неразговорчивого и сдержанного отца,

который продолжает оставаться за кулисами и отправляет на разведку маму. Тот факт, что отец так обеспокоен и даже говорит мне это напрямую, тоже заставляет меня начинать волноваться: я действительно так ужасно выгляжу в глазах моих родителей? На мгновение чувствую искушение поплакать у него на плече и высказать всю ту боль, которую мне не удалось выплеснуть до настоящего момента. Но я не в состоянии. Я чувствую себя как под анестезией. Мне даже не хочется пытаться.

– Папа, у меня все хорошо, – продолжаю свою игру с самой успокаивающей улыбкой в мире. – Наши отношения закончились, и это было моим решением. Точка.

Как я могу объяснить ему, что страдаю не из-за Филиппо?

– Да, Елена, но ты не выглядишь безмятежной, – настаивает папа, он ищет на моем лице правдивый ответ, который я не даю ему на словах. – У тебя на лице написано, что что-то не так.

– Конечно, у меня был непростой период, но все меняется к лучшему, могу тебя уверить, – я стараюсь принять серьезный вид, и притом позитивный и оптимистический, надеюсь, что его это убедит.

– Ну хорошо, – отступает он в конце концов.

Однако на самом деле явно ничего хорошего. Он не поверил, но предпочел не мучить меня этим спектаклем, жалким для обоих. Как же я тебя люблю за это, папа!

– В любом случае, чтобы тебе ни понадобилось, ты всегда можешь положиться на нас с мамой.

Да, я знаю. Но существует боль, которую никто не в состоянии облегчить, даже люди, которые любят тебя больше всего на свете. Нужно просто дождаться, чтобы она прошла, а тем временем продолжать жить.

– Сыграем в брисколу?[14 - Брискола (итал. briscola) – популярная в Италии карточная игра с колодой в 40 карт.] – предлагаю я и, беру колоду со стола. Папа

обожает карты и с детства заставлял меня играть бесконечные партии: это всегда нас объединяло, и сейчас я надеюсь, что совместная игра отвлечет его.

– Ну давай, если хочешь, – отвечает отец со вздохом. Он понимает, что это отвлекающий маневр и позволяет мне сделать его.

* * *

Перемешивая карты, слышу звонок айфона.

– Папа, подожди минутку...

Поднимаюсь, чтобы ответить. Это наверняка Гайя. Она мне уже раз двадцать позвонила, начиная с утра. Что ей нужно на сей раз? Наверное, хочет дать мне последний совет, что-нибудь вроде наиболее подходящего цвета помады: нежно-перламутровый или красный цикламен.

Вынимаю телефон из сумки и с большим удивлением вижу, как на экране мерцает имя Мартино. Мы довольно давно не разговаривали. На губах появляется невольная улыбка, когда я представляю себе его лицо приличного мальчика.

– Мартино? – отвечаю как можно более легкомысленным голосом.

– Чао, Елена, – говорит он, и двух этих слов достаточно, чтобы я поняла, что у него на лице в этот момент то самое стеснительное и искреннее выражение.

– Как дела? Ты куда-то пропал... – Делаю рукой извиняющийся жест для папы и скрываюсь в своей комнате, как во времена лицея, когда мне звонил какой-нибудь парень и я с телефонной трубкой уединялась в комнате.

– У меня все хорошо, – говорит, – угадай, где я?

– Не знаю... – слышу вдалеке шум переговаривающихся голосов. – Вилла Боргезе? – пытаюсь угадать, вспомнив последний раз, когда мы были там вместе.

- Нет, - отвечает и, выдержав паузу, выдает: - Я в Венеции!

- Где? - Я ничего не говорила ему о моем возвращении в Лагуну и в этот момент спрашиваю себя, не приехал ли он сюда ради меня.

- Я изучаю Джорджоне[15 - Джорджоне (итал. Giorgione) - псевдоним Джорджио Гаспарини, одного из самых таинственных итальянских художников XVI века, работавшего в Венеции. Он первым из итальянских живописцев внедрил в религиозные картины натуралистические пейзажи.] в Университете, - объясняет, - и приехал сюда посмотреть вживую на его картины.

- А-а-а...

- Помнишь, что ты мне говорила? Можешь что-нибудь посоветовать?

Некоторое время назад, в Риме, за чашечкой кофе он признался мне, что никогда не был в Венеции.

- Даже лучше! - объявляю с триумфом. - Я буду твоим персональным гидом: я тоже в Венеции.

- Правда? - выдает на одном дыхании.

- Да, так и есть, - отвечаю, располагаясь поудобнее на кровати. - Завтра выходит замуж моя лучшая подруга, и сейчас я дома у родителей.

- Да ты что!

- Да, вот так совпадение...

- Ну тогда присоединяйся ко мне немедленно! - восклицает он порывисто. Потом спешит уточнить: - Если только у тебя нет других планов. - Это в стиле Мартино: бросает камень, а потом прячет руку.

- Я совершенно свободна. И потом, я же обещала, что буду твоим чичероне[16 - Чичероне (итал. cicerone) - туристический гид.]. В каком ты районе?

– Так... – Martino пытается сориентироваться. – Я на каком-то канале. Вижу надпись на стене: FONDAMENTA DELLE ZATTERE...

– Прекрасно! – Я вскакиваю с постели. За твоей спиной должно быть кафе-мороженое «Да Нико». – Смотрюсь в зеркало. Черт, у меня такое помятое лицо...

– М-м-м-м-м... а да, вот, вижу кафе.

– Жди меня там. Я буду через полчаса, только попрощаюсь с родителями и перееду через Гранд-канал.

– Замечательно! До встречи!

* * *

Быстро прощаюсь с мамой и папой и сажусь на первый же вапоретто[17 - Водный трамвайчик, каким пользуются в Венеции.].

Звонок Martino подоспел в нужный момент: это прекрасный предлог, чтобы сбежать из дома и стряхнуть с себя ту тяжелую атмосферу, которая возникла. И потом, я счастлива снова увидеться с ним. Прошел почти месяц с нашей последней встречи: мы вместе ходили на выставку кубизма в Витториано[18 - Национальный памятник Витторио Эмануэле II в Риме, на площади Венеции, называемый также «Витториано».].

В спешке схожу на остановке «Заттере» и ищу его. А вот и он: стоит прислонившись к одной из колонн галереи, с рассеянным и вместе с тем сосредоточенным видом, который, наверное, был и у меня в двадцать лет. Он изменился за эти месяцы: плечи стали шире, словно бы открылись, на лице появилось больше растительности, и все это придает ему возмужавший вид. Мужчина, которым он станет, начинает потихоньку выживать в нем молодого паренька. Я прекрасно помню, когда мы впервые заговорили в Сан-Луиджи-деи-Франчези, где я работала, а он приходил, чтобы изучать цикл «Святого Матфея». Его застенчивость, приятные манеры и умный взгляд сразу же завоевали меня, заставили инстинктивно почувствовать симпатию к нему.

А вот теперь Мартино здесь. Это по-прежнему он, но не совсем. Мартино забросил свою обычную джинсовую куртку ради мятого хлопкового пиджака, который подчеркивает линию плеч, но на ногах все те же All Star. Падающая на глаза челка и пирсинг в брови остались неизменными, впрочем, как и обращенная ко мне улыбка. Он вынимает из ушей наушники, кладет айпод в карман и приближается на несколько шагов.

- Эй! - Я приветствую его двумя поцелуями в щеки. - Ты только что спас меня от семейного сговора.

- Если это так, то я счастлив, но твои родители, наверное, не очень...

- У меня замечательные родители... но в небольших дозах, - говорю, пожимая плечами. - Что будем делать?

- В этом смысле я в твоём распоряжении, - Мартино разводит руками, как бы охватывая весь город. - Это ты гид!

- Ну, раз уж ты мне сказал, что изучаешь Джорджоне, я отведу тебя в Галереи Академии[19 - Галереи Академии (итал. Le Gallerie dell'Accademia) - венецианский музей, где представлена выдающаяся коллекция венецианской живописи XIV-XVIII веков.], посмотреть на «Бурю»[20 - «Буря» (итал. «La Tempesta») - самая известная картина Джорджоне.], - предлагаю. - Она отсюда в двух шагах.

- Прекрасно! - Он подает мне руку, и мы пускаемся в путь.

* * *

После визита в Академию мы посещаем собор Фрари. Сердце бьется как сумасшедшее у меня в груди, когда я смотрю на «Вознесение» Тициана и вспоминаю о ночи, проведенной здесь, внутри, с Леонардо. Потом идем в Школу Сан-Рокко[21 - Школа Сан-Рокко (итал. La Scuola Grande di San Rocco) - античное здание в Венеции, расположено на Кампо Сан-Рокко и знаменито своими фресками.] смотреть фрески Тинторетто[22 - Тинторетто - псевдоним Якопо Робусти, одного из основных представителей Венецианской школы живописи.]. Ближе к вечеру, когда мы оба настолько устали, что не держимся на ногах,

я приглашаю Мартино перекусить к себе домой. Поскольку мне так и не удалось справиться с проблемой готовки, мы покупаем две пиццы на вынос в заведении, что находится в подвале моего дома. Это не лучшая пицца в мире, но я была постоянной клиенткой, когда жила здесь, и хозяин-египтянин, узнав меня, шевелит усами в знак приветствия.

И вот мы с Мартино сидим у меня дома на диване, наслаждаясь пиццей.

– Боюсь, завтра мне будет сложно влезть в платье, – говорю, глядя на свой еще более округлившийся животик.

Перед тем, как идти ко мне домой, мы зашли к моей маме за платьем от Versace, и теперь оно висит у входа. Мартино смотрит на него, потом на меня.

– Этот цвет будет прекрасно смотреться с твоим светлым цветом кожи.

– Ну, если это говорит такой человек, как ты, прекрасно разбирающийся в цвете, то я могу довериться.

Наконец-то хоть кто-то позитивно оценил мою бледность.

Мартино устремляет на меня свой искренний взгляд:

– Завтра ты будешь красавицей. – Потом проводит рукой по волосам, еще больше взъерошив их. – Ты вообще всегда красавица... – добавляет со вздохом, словно повторяя это самому себе, и наклоняет голову, прислоняя ее к изголовью дивана. Выдерживает мой взгляд, не опуская свой, как обычно бывает.

Он смотрит на меня по-другому. Сейчас он не просто молодой мальчик, а мужчина, находящийся рядом с женщиной.

– Пойду сменю CD. – Я поднимаюсь с дивана, чтобы развеять странное напряжение, создавшееся между нами, потом поворачиваюсь к нему. – Нет, давай ты выберешь музыку, – предлагаю внезапно.

Мартино разглядывает ряды дисков, которые годами находятся на полках стеллажа. Интересно, почему я не забрала их с собой в Рим... Внимательно

изучает, проводя пальцем по торцу, пока внезапно не достает один. Через мгновение голос Фрэнка Синатры раздается из колонок стерео, мягкий и захватывающий, и начинает звучать «Strangers in the night».

Мартино, внезапно помрачневший, смотрит на меня немного отчаявшимся взглядом, затем улыбается, и все его смущение вдруг проходит, когда он протягивает мне руку:

- Могу я пригласить вас на этот танец?

- С удовольствием, - отвечаю. Поднимаюсь и приседаю в поклоне.

Он обнимает меня необычайно нежно и делает несколько неуверенных шагов. Я обвиваю шею Мартино руками, приблизив лицо к его плечу. Чувствую запах свежестыранного белья от его футболки. Все в нем благоухает ароматным воздухом. Ощущаю легкую щекотку от небритой щетины на моих волосах, горячее дыхание у себя на виске. Его руки становятся уверенней - ладони расслабляются и раскрываются на ткани моего платья.

- У тебя прекрасно получается, - шепчу. Потом закрываю глаза и полностью отдаюсь этому ощущению, подпевая.

Мартино прижимает меня чуть крепче, обхватывает горячими руками мою спину. Затем прислоняется губами к волосам и присоединяет свой голос к моему, теперь мы оба напеваем.

Я комфортно чувствую себя в его объятиях, несмотря на странное чувство, что нахожусь не на своем месте, и на десять лет разницы в возрасте. У меня возникает внезапное и неуместное желание познать вкус его губ.

Ноги скользят по паркету, заставляя его поскрипывать. Я прижимаюсь лицом к его плечу, испытываю одновременно грусть и облегчение при мысли о том, что скоро голос Фрэнка Синатры умолкнет и все вернется на свои места. Я снова стану зрелой Эленой, которая ведет себя как его старшая сестра, а он снова превратится в прежнего Мартино - моего юного и слегка неуклюжего друга, который вызывает во мне чувство нежности.

Музыка утихает, наступает тишина. Мы останавливаемся. Но вместо того, чтобы отодвинуться, Мартино продолжает обнимать меня, и я не решаюсь открыть глаза, пока не раздались ноты свинга «The way you look tonight». Только после этого, с осторожностью, словно боясь сделать ему больно, я ослабляю объятия.

Мартино с неохотой отпускает меня. Его руки кажутся опустевшими, неудовлетворенными, когда оставляют меня и опускаются вдоль тела. Замечаю, что его кадык заострился, словно он только что проглотил слова, которые не решился произнести.

– В чем дело? – улыбаюсь, стараясь сгладить напряжение.

А затем неожиданно его губы встречаются с моими. Сначала застенчивые и неуверенные, они становятся все решительней. Я замираю, пытаюсь понять, что происходит, и прежде всего осознаю, что его вкус такой приятный, как я себе и представляла. И тогда приоткрываю рот, позволяю его языку встретиться с моим, чтобы дать этому поцелую осуществиться.

Мартино, похоже, удивлен этому. Его дыхание убыстряется, возбуждение нарастает. Я даже чувствую, как он дрожит в моих объятиях.

Протягиваю руку и медленно провожу по его брови, пощипывая пирсинг, потом провожу вдоль овала лица до затылка.

Это самый нежный поцелуй, который когда-либо случался в моей жизни. Губы у Мартино бархатные, они ласкают мои легкими касаниями, а его язык медленно проскальзывает в мой рот, не заполняя его.

Он отрывается и смотрит на меня ошалевшим взглядом:

– Ты представить себе не можешь, как мне хотелось сделать это.

– Ты долго собирался... – я улыбаюсь и слегка взъерошиваю ему челку.

– Думал, ты не захочешь.

– Я даже и не догадывалась, что хочу этого, до сегодняшнего вечера.

У Мартино длинные густые ресницы, а в зрачке левого глаза сверкает маленькое золотистое пятнышко. Я никогда его не замечала, потому что мы прежде не оказывались так близко.

Приближаю его лицо и снова целую, затем позволяю своим пальцам соскользнуть вдоль его рук, найдя его пальцы и сжав их. У него совершенные гладкие руки. Они не отмечены временем и жизненными бурями, как руки Леонардо. И лицо у него такое же молодое – натянутая кожа и мягкая редкая щетина. Чувствую запах молодого тела, которое сегодня вечером я собираюсь узнать получше. И, продолжая целовать его, расстегиваю его рубашку и медленно снимаю. Мартино не сопротивляется, однако смотрит на меня с некоторым страхом, но прежде всего с желанием.

Сейчас он полностью обнажен передо мной и позволяет рассмотреть себя: удлиненные, худощавые мышцы словно нарисованы углем, а широкие, угловатые плечи выделяются на фоне тонкой талии. Член, уже в состоянии эрекции, пульсирует между ног. Он очень красивый, Мартино: похож на жеребенка, который не знает, что делать с сумасшедшей эротической энергией, которую подарила ему природа. Его неловкая улыбка сейчас искажена страстью.

Беру его за руку и веду вдоль по коридору. Мы у кровати, оставшейся разобранной с утра, я помогаю Мартино лечь, затем раздеваюсь сама и устраиваюсь рядом с ним. Начинаем целоваться долгими, глубокими поцелуями. Вижу, как его член напрягается, и протягиваю руку, чтобы погладить его.

Мартино смотрит на меня глазами, переполненными чувствами. Приближает мою руку к губам и целует ее с нежностью, я ощущаю на запястье его горячее дыхание.

Тогда я устраиваюсь поверх него и начинаю покрывать поцелуями его грудь, прокладывая линию от сердца к пупку. Его дыхание учащается одновременно с тем, как мой язык привыкает к его коже. Спускаюсь вниз, обхватив его член губами. Начинаю облизывать и посасывать его до тех пор, пока не чувствую, как кровь пульсирует у него под кожей.

Мартино смотрит на меня с выражением наслаждения, смешанным с восхищением, словно не верит в то, что происходит. Руками сжимает покрывало, а его бедра изгибаются мне навстречу. Я возвращаюсь вверх, к его губам, нежно

беру его за руку и кладу на свою грудь. Поначалу Мартино колеблется, словно преодолевает какое-то препятствие, но затем касается губами моего соска, начиная обсасывать и покусывать его. Я поглаживаю его по затылку, позволяя ему продолжать, наслаждаясь этим острым удовольствием.

Затем он располагается поверх меня, широко разводит мне ноги. «Элена, ты потрясающая», – бормочет с полузакрытыми глазами, целуя меня в шею. Мартино приподнимается и смотрит на меня с решимостью желания, которое больше не в состоянии ждать.

Поддерживая член одной рукой, пытается проникнуть в меня, но делает это настолько нежно, что у него не получается. Кроме того, пожалуй, я еще не готова.

– Подожди, – мягко шепчу ему и, беря его руку, направляю ее вдоль клитора, предлагая приласкать меня. Он медленно изучает мой легко скользящий шарик, не нажимая. Языком снова ищет мои соски, продолжая проводить пальцами по половым губам, которые начинают увлажняться от желания.

Взяв его за узкие гладкие бедра, притягиваю к себе и, помогая ему одной рукой, предлагаю попробовать войти еще раз. Но и на сей раз у него не получается. Мартино опадает на меня с фырканьем, пряча лицо в ямке между шеей и ключицей.

– Черт... ну я же так тебя хочу!

Я улыбаюсь, он вызывает во мне нежность, и поглаживаю ему шею, укачивая в своих объятиях.

Через некоторое время Мартино снова ищет мои губы и начинает целовать меня. Чувствую, как его набухший член упирается мне в живот, и поглаживаю его одной рукой.

У него расширенные зрачки, а выражение лица из мягкого становится беспокойным, почти нетерпеливым. Я вновь раздвигаю ноги, приглашая снова попробовать, и он придвигается ближе. Неуверенным движением наконец-то заполняет меня. Я чувствую, как он медленно, толчками движется, очевидно не представляя, как далеко может продвинуться. Дрожит и постанывает. Его

дыхание неслышимое, легкое дуновение, как удовольствие, высвобождаемое его телом. Я опускаю руки ему на ягодицы, помогая войти в ритм. Теперь он все уверенней и с каждым толчком проникает в меня смелее. В конце концов, он движим только инстинктом, этой стремительной и хищной силой, этим желанием проникнуть и обладать: чистой первобытной мужской энергией.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Дука Д'Альба (итал. Dusa D'Alba) – «Граф Восхода».

2

Кампо деи Фиори (итал. Campo de' Fiori – цветущий луг) – площадь в Риме, современный центр ночной молодежной жизни. До начала XV века на ее месте была цветочная поляна, отсюда и название.

3

Tabula rasa (лат.) – чистая доска.

4

Vol-au-vent (франц.) – маленькие корзиночки из слоеного теста, которые наполняют кремом из сыра, грибов и овощей либо сладким кремом.

5

Моло Чинкве (итал. Molo Cinque) – Пятый причал.

6

Риальто (итал. Rialto) – самый античный район Венеции, знаменитый благодаря одноименному мосту Риальто.

7

Чикеттерия (итал. cicchetteria) – типичные венецианские закусовые, где подают алкогольные напитки и разнообразные закуски.

8

Польпетте (итал. polpette) – маленькие котлетки круглой формы, размером с грецкий орех, из мяса, рыбы или овощей.

9

Спиедини (итал. spiedini) – закуска, нанизанные на шпажки, что-то вроде маленького шашлыка из мяса или овощей.

10

Остерия (итал. osteria) – тип закусочной, где подают только алкогольные напитки и небольшие закуски, без горячего.

11

«California Dream Man» – знаменитая группа стриптизеров мужского пола, очень популярная в Италии.

12

Доломити (итал. Dolomiti) – горная гряда, относящаяся к Восточным Альпам в Италии и растянувшаяся между провинциями Беллуно, Тренто, Удине и Порденоне.

13

ARCI (итал. Associazione Ricreativa e Culturale Italiana) – социально-культурная организация, созданная в период освобождения от фашизма. В настоящий момент организация несет исключительно культурную функцию.

14

Брискола (итал. briscola) – популярная в Италии карточная игра с колодой в 40 карт.

15

Джорджоне (итал. Giorgione) – псевдоним Джорджио Гаспарини, одного из самых таинственных итальянских художников XVI века, работавшего в Венеции. Он первым из итальянских живописцев внедрил в религиозные картины натуралистические пейзажи.

16

Чичероне (итал. cicerone) – туристический гид.

17

Водный трамвайчик, каким пользуются в Венеции.

18

Национальный памятник Витторио Эмануэле II в Риме, на площади Венеции, называемый также «Витториано».

19

Галереи Академии (итал. Le Gallerie dell'Accademia) – венецианский музей, где представлена выдающаяся коллекция венецианской живописи XIV–XVIII веков.

20

«Буря» (итал. «La Tempesta») – самая известная картина Джорджоне.

21

Школа Сан-Рокко (итал. La Scuola Grande di San Rocco) – античное здание в Венеции, расположено на Кампо Сан-Рокко и знаменито своими фресками.

22

Тинторетто – псевдоним Якопо Робусти, одного из основных представителей Венецианской школы живописи.

Купити: <https://telnovel.me/irene-cao/ya-lyublyu-tebya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)